

НАЧАЛО этого фильма неожиданно напомнило мне ленту Элема Климова «Спорт! Спорт! Спорт!». Картина эта давняя, и много лет протекло со дня ее выхода, но хорошо помнятся первые кадры — таинственные и мрачные кулисы стадиона, какие-то длинные туннели, и камера мчит нас по ним вслед за спортсменом, и мы слышим его дыхание, словно чувствуем, как сжимается он перед выходом на арену. И вдруг — распахиваются невидимые ворота, и свет, и рев стадиона буквально ударяют в нас. И начинаются резкие синкопы хорошо всем нам знакомой мелодии — теперь они сопровождают, кажется, все спортивные передачи.

Вот так и здесь: по длинному туннелю, но лицом к нам, не инкогнито, не просто неведомый нам спортсмен, но та самая, знаменитая Алла движется нам навстречу. Она так же драматически напряжена, сосредоточена, как стайер, как спринтер или дискбол перед стартом и так же ждет схватки со зрителем. Потому что спорт или искусство — это не только состязание с собой и с ним, но прежде всего со зрителем. И потому — вдруг решительным движением взлохматил волосы, облизала губы и привычно раздвинула их в улыбке — нет, не просто в улыбке радости, но — тоже какой-то яростной, отчаянной: «Есть упоение в бою...» Улыбка Аллы...

«Алла!», «Алла!», «Алла!» — это женское имя вспыхивает в тысячах неоновых огней. Какое это — петь под огнями реклам, бесконечными, мерцающими огнями, выписывающими твое имя? Да и фильм этот тоже поначалу назывался «Алла».

И все-таки мне не показалось начало картины «Пришла и говорю» повтором той, климовской, картины, а скорее интересной переключкой. Да, концерты Аллы Пугачевой недаром проводятся в гигантских спортивных комплексах. В фильме есть эпизод на Ереванском стадионе, снятый с натуры, потому что инсценировать подобную массовку в десятки тысяч людей просто невозможно. Мало кто из актеров, тем более певцов, отважился бы «работать» с таким многотысячным зрителем, Пугачева отваживается — в этом есть свои плюсы и минусы. И потому каждый такой гала-концерт — тоже своеобразный поединок со зрителем, как и в спорте. Публика ведь не только ждет, она и диктует. И в этом-то моменте и есть драматическое положение любой «звезды»: как ответить ожиданиям публики, не подчинившись одновременно ее диктату? Многие оказываются жертвами подобного диктата, избежит ли такой опасности Пугачева — покажет время.

Фильм, о котором мы здесь говорим, мог бы, если бы захотел, запечатлеть моменты поединка актрисы со зрителем (таково именно его начало!) — мог бы стать весьма интересным, даже и оставаясь в рамках киноконцерта. Но, к сожалению, этого не получилось, хотя фильм явно на подобное претендовал.

Что же, напротив, мы видим в картине (сценарий И. Резника, режиссер Н. Ардашиков, «Мосфильм»)? Мы видим такой, например, эпизод. После концерта героиня присутствует на приеме в ее честь. Она в переливающемся туалете, в не менее переливающемся колье, на плечах — меха, и вокруг нее как дополнение к туалету двое мужчин. За кадром идет, как и постоянно в фильме, очередная песня, повествующая о трудной жизни актера и о том, как он стремится вырваться из колыма преследующих его на каждом шагу поклонников. В кадре же

— череда весьма несимпатичных лиц, к тому же намеренно искаженных оптикой (это было в картине «Я — Куба» Калатозова, но там были показаны веселящиеся американские прожигатели жизни). Они буквально сжимают актрису в объятиях истерического веселья, и кто-то, от восторга, заключает ее в какой-то старинный настенный шкаф (или часы), где она продолжает петь о тяжести своей доли. Потом она разрывает на себе ожерелье и бросает его в толпу, стеклянный дождь сыплется, но толпе все мало, мало. И тогда героиня сбрасывает с себя меха и буквально бежит из этого гостеприимного ада...

пошло поставленный номер), между всполохами огней и блеском эстрадной мишуры, в бесконечной смене обличий и массок вдруг нам проглянет одно. Лицо. Усталое лицо актрисы, про которую — весь этот грохочущий и переливающийся фильм, от которого в буквальном смысле слова болят глаза.

Певца, актриса, художник. И мы чувствуем, что она существует где-то автономно, суверенно, и лишь отблеск ее работы, ее драмы, ее поединка с самой собой и с ее публикой мы увидим на экране. И еще — если сможем, если захотим услышать в каскадной феерии фильма.

предвосхищая реакции публики, хочется сказать именно о тишине, о грусти этой ленты Карена Шахназарова, хотя она тоже музыкальная и тоже есть там и грохот, и ВИА, и современная пантомима, должностующая что-то там этакое философское изображать — кажется, рождение ЭВМ. И почему-то на фоне египетского сфинкса. Значит, тоже без времени и прочие лжезначительные категории суперэстрады, которые отражаются даже в потоке скудных на выдумку названий ансамблей — «Децибелы», «Рециталы» и т.д. и т.п. В «Зимнем вечере», кстати, есть и певица (ее в трех эпизодах великолепно изображает Н. Гундарева), которая опять-таки поет нечто об обочинах, мимо которых мчится современная жизнь. Есть и причудливо изогнутые тела танцоров, и не менее причудливые композиции, и мелькание разрисованных трико, и поначалу нам даже покажется, что все это всерьез. И только где-то к середине фильма мы начинаем ощущать легкую иронию по отношению ко всему этому триумфальному действу.

И — ностальгию по эстраде пятидесятых годов, которую олицетворяет в картине герой Евгения Евстигнеева — бывший чечеточник, «король стелы», а ныне скромный репетитор в ансамбле «Рождение ЭВМ». Вот в этом фильме, тоже музыкальном, и эстрадном, и смешном, есть драгоценные мгновения тишины...

Не везет нашему музыкальному фильму. Или нет, не так! Не везет нашим музыкальным «звездам» в кино. Какой-то получается странный зигзаг в сторону не столько музыкальности, сколько пошлости. Сами же тиражируем пошлое, мещанское представление о «звезде» (да и слово само все еще берем в кавычки, быть может, потому что заемное, переводное, а своего не придумали).

Мне приходилось в разное время писать и о «Женщине, которая поет», и о «Душе», а в свое время о «Королеве Шантеклера», так что уже стала узкой специалисткой по мюзиклу (опять заемное слово). Мюзикл не мюзикл, но жанр этот предложения на музыку самых серьезных произведений стал весьма популярен, и есть здесь уже своя классика начиная с «Истории лошади», а также — «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты», «Юнона» и «Авось», «Сестра Керри» Раймонда Паулса и многое другое, а вот в кино не получается (за исключением, кажется, только фильма того же Шахназарова «Мы из Джазза»).

Создается такое впечатление, что наши эстрадные «звезды» сильно торопятся запечатлеть собственный кинопортрет — и только. А спешка хороша в одном только деле, ничего общего не имеющем с искусством. И потому портрет получается как в моментальной фотографии — аляповатый и непохожий. Не похожий не просто даже на этих именно актрис, но ничего общего не имеющий с их творческим обликом, если можно так сказать.

Мне вспоминается одно письмо по поводу фильма «Женщина, которая поет», автор писала, что, увидев его, решила бросить свое ПТУ, учебу и прочее, потому что нужно так же добиваться славы, как Анна Стрельцова, героиня фильма.

Вот, оказывается, какой получится парадокс, если все разом перестанут печь хлеб, строить дома, вытачивать детали, растить детей — и дружно пойдут сжигать себя на эстраде! Жизнь-то эта эстрадная — вероятно трудная, но и муки эти на экране мнутся некой, как пела однажды Эдит Piaф, «Жизнью в розовом цвете».

Валентина ИВАНОВА

Алла ПУГАЧЕВА в фильме «Пришла и говорю».

Затем мы видим самолет, отрывающийся от земли, и понимаем, что все это, по-видимому, происходило где-то не у нас в стране, что несколько успокаивает. Но ничего не объясняет в заявленной авторами драме актера в его поединке со зрителем: слишком все плоско и прямолинейно.

Не менее иллюстративен и другой эпизод — с неким возможным спутником жизни, который случайно сталкивается с героиней взглядами где-то в толчее машин (он тоже за рулем, чувствуете — статут!). Потом он сопровождает певицу на бульваре, она меняет обличья и экипажи, пересаживаясь в электрическую каретку начала века. Смена эпох и туалетов окончательно путает карты бедному (?) парню с не очень, правда, выразительным лицом. Потом он мелькнет перед нами еще и еще раз, олицетворяя, вероятно, ту мысль, что ни на какую личную жизнь у актрисы и вовсе нет времени.

Таким образом, песни добросовестно иллюстрируются — то, что поется за кадром, более или менее подходяще мизансценируется в кадре. И это все?

А между этими добросовестными иллюстрациями, танцевальными эскападами не очень симпатичной аэробической троицы в духе «Бони М», которая преобразуется то в «бег времени», то в «диктат толпы», то в неких «кота и кошечку» (есть в фильме и такой совсем

Мне могут возразить: вы хотите лирического «Соловья», что ли, от современной эстрады — это бешеный ритм, это электроника, цветомузыка, дискотиль, и никуда от этого не уйти.

Да, все понятно. И все-таки хотелось бы тишины. Той тишины, что, по словам поэта, прерывает первый бой. Сосредоточенной тишины раздумий, потому что искусство вообще и искусство эстрадной певицы в частности, при всей его модной «дискостности» тоже родится в тишине поиска. Иначе и быть не может, сколько бы ни пела Пугачева о беге времени, об эстраде, о жесткости объятий толпы, о бесконечных репетициях и тренировках. Нужна еще и тишина. Тем более что она как символ творческого поиска как будто заявлена авторами картины, но ее нет. Есть, повторяем, грохот, синкопы, плывущие и дробящиеся крупные планы, бесконечно надоевшая танцевальная троица, поток туалетов и... и полное отупение по окончании фильма.

Про что нам рассказали? Или это просто концерт? Но даже и в концерте есть своя мысль, свое раздумье, своя концепция. Здесь мы ее не ощущаем.

Я потому еще в грохоте этого фильма вспомнила о тишине, что пришлось недавно посмотреть еще одну картину об эстраде, которая выходит на экран, — «Зимний вечер в Гаграх». Не